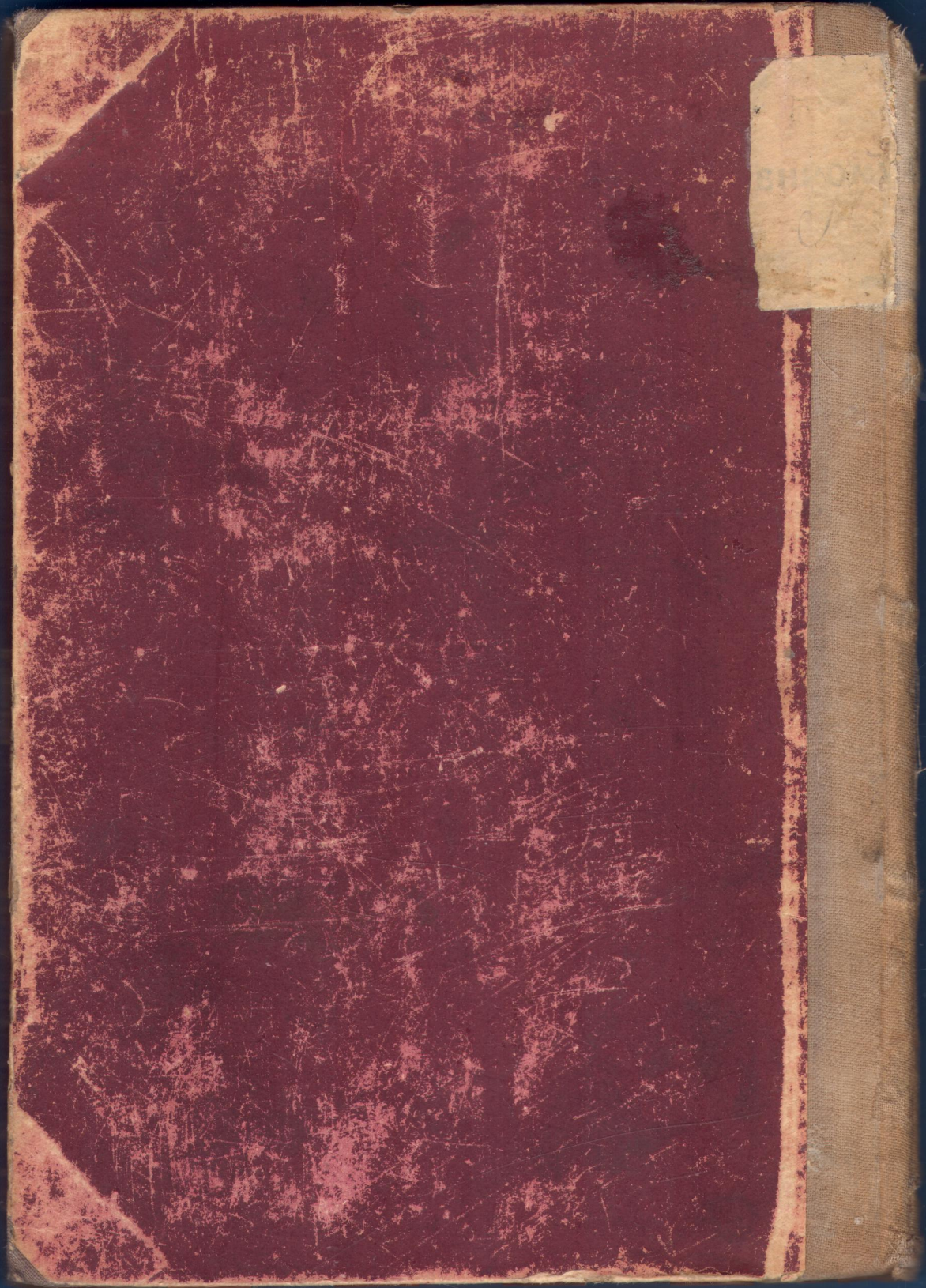
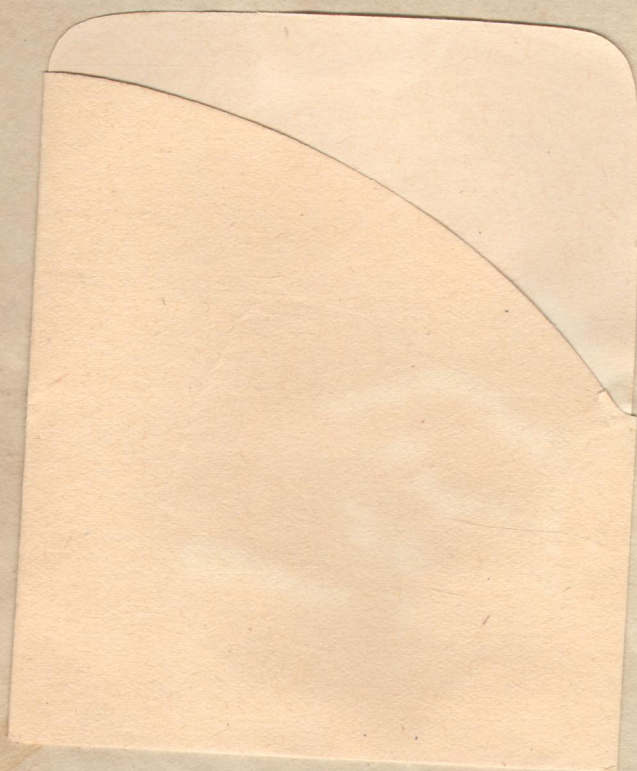

241520

V 95

1934

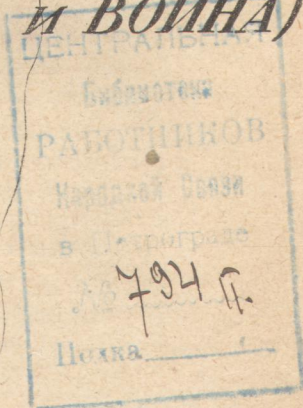
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ.
БІБЛІОТЕКА

211
2494

К. ЧУКОВСКИЙ

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШИЕ!

(АНГЛИЧАНЕ
И ВОЙНА)

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗД.ТВА А.Ф.МАРКСЪ
1916

Цена 1 р.

Проверено
ЦНБ 1939

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОЭЗИЯ ГРЯДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Цѣна 1 р.

ЛИЦА И МАСКИ. Критическіе этюды (Игорь Сѣверяпинъ. — Футуристы. — Новыя слова. — Джэкъ Лондонъ. — Леонидъ Андреевъ. — Оскаръ Уайльдъ. — З. Гиппиусъ. — Борисъ Зайцевъ. — Гр. Ал. Н. Толстой. — Вс. Гаршинъ. — Мы и они. — Шевченко. — Некрасовъ и модернисты. — Лидія Чарская). Изд. „Шиповника“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

КНИГА О СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ. 2-е изд. „Шиповника“. Критич. этюды (М. Горькій. — Вл. Короленко, какъ художникъ. — О. Сологубъ. — Ал. Ремизовъ. — С. Сергѣевъ-Ценскій. — Ал. Бенуа. — В. В. Розановъ. — А. Вербицкая. — Натъ Пинкертонъ и современная литература и т. д.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОТЪ ЧЕХОВА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. 3-е изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Мережковский. — Бальмонтъ. — Брюсовъ. — Блокъ. — Арцыбашевъ. — Купринъ. — Сементъ Юшкевичъ. — Осипъ Дымовъ. — Георгій Чулковъ. — Леонидъ Андреевъ и др. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

НЕКРАСОВЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЭТЪ.

МОИ ПРИСТРАСТІЯ. Тайна Мережковского. — Чеховъ и Чеховщина. — Пв. Бунинъ. — Редьярдъ Киплингъ и др.

24
2494

К. ЧУКОВСКИЙ

460

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ

(АНГЛИЧАНЕ И ВОЙНА)

УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИН. НАР. ПРОСВ. признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ и бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальнь, а также подлежащимъ допущенію въ ученическія библіотеки высшихъ начальныхъ училищъ (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1915 г.).

ВОЕННЫМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ рекомендовано для чтенія въ частяхъ войскъ, учрежденіяхъ военнаго вѣдомства и лечебныхъ заведеніяхъ („Русскій Инвалидъ“ отъ 30 Декабря 1915 г.).

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПРОВЕРЕНО

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
РАБОТНИКОВ
Народной Связи
в Петроградѣ

№ 09-1

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ
БІБЛІОТЕКА

1916

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
ПЕТРОГРАДЪ

59 1933/4647

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ
БІБЛІОТЕКА

241520

М. Р. ХОДОВСКИЙ

ЗАПОВЕДНИК

МОЛДАВИИ

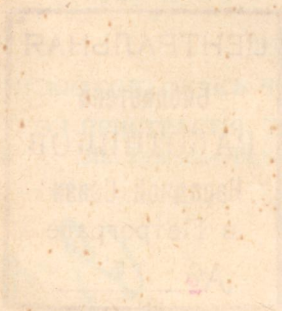
(ГЛАВ. УПРАВЛ. В. БОННА)

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марисъ, Измайл. просп., № 29.

ВАШАЯ ТИПЕ

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Карасіна
2013р.

052/142

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
РАБОТНИКОВ
Народной Связи
в Петрограде

ОТЪ АВТОРА. № 69-1

Мы, русскіе интеллигенты, до всякихъ официальныхъ трактатовъ давно уже въ союзѣ съ англичанами: англійская литература, поэзія, живопись, не говоря уже о гениальной англійской гражданственности, чаруютъ насъ магнетически съ юности. Мы съ увлеченіемъ читаемъ Діонео, влюбившаго насъ въ англичанъ, сдѣлавшаго своими статьями и книгами для союза Россіи и Англіи больше, чѣмъ всѣ дипломаты.

Но широкіе круги, обыватели, не знаютъ и чуждаются Англіи. Они все еще, по старой привычкѣ, перешептываются о „коварномъ Альбіонѣ“. Моя книжка предназначена для нихъ. Оттого она такая примитивная. Задача этой незатѣйливой книжки—привлечь къ англійскому народу симпатіи тѣхъ широкихъ обывательскихъ круговъ, которымъ наша бульварная пресса внушала изъ года въ годъ о британскихъ интригахъ и козняхъ.

Англичане въ послѣднее время наверстываютъ съ колоссальной энергіей свое прежнее пренебреженіе къ Россіи. Всю эту зиму въ англійскихъ газетахъ я только и читалъ, что о Чеховѣ, о „Мертвыхъ душахъ“, о пушкинской прозѣ, о письмахъ Достоевскаго, о Вл. Соловьевѣ, и даже объ арцыбашевскомъ „Санинѣ“. Даже „Санина“ теперь перевели англичане! А сколько повѣстей изъ русской жизни, о какомъ-то Vassilli Sotnikoff'ѣ,

о какой-то Marie Tarnowska, о Сѣверной Сибири и тундрахъ! Вотъ книга Маріи Сэкклоффъ „Жизнеописаніе русскаго ссыльнаго“; вотъ книга Роберта Баумэна „Русская Женщина“ (Lady of Russia),— и какія прекрасныя, глубокія книги о русской музыкѣ, о Глинкѣ и Мусоргскомъ. Вотъ сладостный для русскаго сердца памфлетъ Дж. У. Макэла „Что Россія дала всему міру“, гдѣ сказано столько комплиментарнаго, лестнаго о *русской* геометріи, *русской* ботаникѣ, *русской* зоологіи и проч. Да послужить это примѣромъ для насъ!

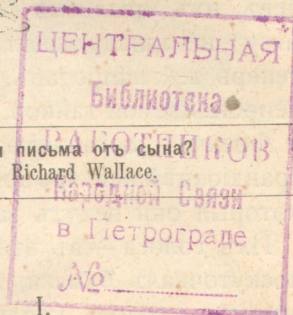
Я радъ посвятить мою книжку писательницѣ Зин. Венгеровой, такъ энергично работающей надъ культурнымъ сближеніемъ двухъ націй.

Нѣкоторыя главы этой книжки печатались въ „Русскомъ Словѣ“ и въ „Нивѣ“. Картинки, помѣщаемыя въ ней, заимствованы мною изъ англійскихъ журналовъ „The Sphere“, „The Graphic“, „The Illustrated London News“, „Navy and Army“, „The Sketch“, „The Bystander“ и проч. Рисунокъ на обложкѣ воспроизводится съ книги шотландскаго капитана Р. Кемпбелла „The Private Spud-Tamson“, только-что изданной фирмой Блэквудъ въ Эдинбургѣ.

Нѣтъ ли письма отъ сына?

Рис. Richard Wallace.

СОЛДАТСКІЯ ПИСЬМА.

Читая нынѣшнія солдатскія письма, кто посмѣетъ сказать о солдатахъ: „пушечное мясо“, „святая скотинка“!

Солдатскія письма — созданіе нашей эпохи. Прежніе вѣка ихъ не знали. Не то, чтобы ихъ не было раньше, но раньше они были курьезъ, раритетъ, а теперь — бытовое явленіе.

Дѣло не въ отдѣльномъ солдатскомъ письмѣ, какъ бы ни было оно занимательно, а въ цѣлой Ніагарѣ этихъ писемъ, пускай однообразныхъ, банальныхъ, но зато лившихъ собою весь міръ! Тѣмъ-то и дорого это явле-

ніе, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для соціолога въ немъ откровеніе. Для изучателя массовой психики оно—драгоценнѣйшій кладъ. Словно вдругъ распахнулась какая-то дверь, и предъ нами развернулся океанъ. Прежде до насъ долетали только мелкія, случайныя брызги, а теперь онъ весь передъ нами—во всю широту горизонта!

Въ молчаніи, безъ рѣчей, какъ нѣмые, прошли по кровавымъ полямъ ратники московскихъ царей, легіонаріи Цезаря, ландскнехты, конквистадоры, гунны, и вотъ, наконецъ-то, черезъ тысячи лѣтъ, впервые обрѣли они голосъ. Заговорила „святая скотинка“ всѣми милліонами глотокъ!

Исторія сохранила для насъ лишь голоса полководцевъ, ихъ крылатыя слова и приказы, а къ „пушечному мясу“ не прислушивалась, ибо „пушечное мясо“ молчало; теперь же, напротивъ, молчатъ полководцы, окутанные непостижимой тайной, молчитъ и Китченеръ, и Жоффръ, и Френчъ, но галдятъ, голосятъ оглушительно, какъ на грандіознѣйшей ярмаркѣ, тѣ многомилліонныя сонмища, которыя они ведутъ за собой.

Ихъ голоса—въ этихъ письмахъ, въ замусоленныхъ лоскуточкахъ бумаги, въ каракуляхъ „изъ дѣйствующей арміи“,—голоса уральцевъ, сибиряковъ, сингалезцевъ, шотландскихъ гвардейцевъ, ирландскихъ драгунъ, зуавовъ, казаковъ, бедуиновъ, новозеландцевъ, канадцевъ, чешскихъ и хорватскихъ соколовъ, прусскихъ уланъ, барабанщиковъ, санитаровъ, саперовъ, самокатчиковъ, развѣдчиковъ, летчиковъ,—о, если бы собрать эту груду, всѣ эти лоскутки и клочки, и прислушаться къ ихъ голосамъ,—какой вавилонскій, разноязычный галдежъ, громче самыхъ громкихъ громовъ, раздался бы надъ нашей планетой!

Сколько языковъ и нарѣчій, акцентовъ, жаргоновъ, арго, но всѣ они кричатъ объ одномъ. Намъ только кажется, что всѣ они разные, голосятъ о разномъ, по-разному, но у всѣхъ у нихъ паюсъ одинъ. Я вчиты-

Французскій солдатъ пишетъ письмо домой.
Рис. Джорджа Скотта. «Illustr. Lond. News».

ваюсь въ эти англійскія письма. Конечно, они разно-голосы и пестры, ибо такъ различны писавшіе ихъ, но всѣ они сливаются въ одно, и если читать ихъ подъ рядъ, сотнями и сотнями сотенъ, то уже не замѣчаешь ни Джонсовъ, ни Джонсоновъ, а видишь одного только автора, и этотъ авторъ—народъ.

Отдѣльныхъ біографій не видишь,—видишь автобіографію націи! Никогда я не ощущалъ такъ отчетливо самую душу британской души, какъ въ этихъ солдат-

Каирскія женщины диктуютъ уличному писцу письма къ своимъ мужьямъ, сражающимся въ Египетской арміи противъ германцевъ.

скихъ каракуляхъ. Даже въ книгахъ Рёскина, Теннисона и Броунинга, даже въ картинахъ Голмана Гента и Уоттса она не выступала предо мной столь явственно.

Нужно только читать эти письма подъ рядъ, огуломъ, безъ разбора, безъ критики, не ища въ нихъ ни эффектовъ, ни сенсацій, смиренно проникаясь ихъ духомъ, и

тогда словно на экранѣ предъ вами возникнетъ коллективное лицо Томми Аткинса, британскаго „рядового Иванова“. Вы поймете, что предъ вами не армія, а *нація, ставшая арміей*; не каста, а *весь народъ*; квинтэссенція народной стихіи, той самой, что породила когда-то Байрона, Нельсона, Кромвеля...

Въ этихъ письмахъ воплощенъ не солдатскій, а народный, всенародный идеалъ, который воплощался доселѣ въ коллективныхъ народныхъ созданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ.

— Намъ не нужно Гомеровъ и Тассо, мы будемъ сами своими Гомерами!—сказали эти милліоны людей, и милліонами перьевъ на милліонахъ клочковъ пишутъ свою Іліаду.

Говорятъ, эти письма скучны. Но мнѣ и не нужны интересныя. Для біолога всѣ организмы равно любопытны и цѣнны; онъ не отвергнетъ крапивы, оттого что есть орхидеи. Пшеница для него не дороже, чѣмъ плевелы

Письмо на родину.

II.

РУССКІЯ ПИСЬМА И АНГЛІЙСКІЯ.

Жаль, что доселѣ не собраны русскія солдатскія письма. Я увѣренъ, что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы въ нихъ, было бы духовной красоты удивительной. Можетъ-быть, передъ нами явился бы ликъ новаго Платона Каратаева, широчайшій, поэтический образъ всемужицкой, всеславянской души, а, можетъ-быть, другой, неожиданный, еще святѣе и благостнѣе.

Говорятъ, въ этихъ письмахъ немало прикрасъ, но мнѣ и не нужна ихъ правдивость. Развѣ въ небывальщинѣ народныхъ легендъ, народныхъ миѳовъ и сказокъ не кроется самая вѣщая правда, передъ которой наша правда житейская есть только ложь и миражъ? Правды о сердцѣ народномъ не заслоняютъ эти солдатскіе миѳы; напротивъ, ее-то и выявятъ! Въ нихъ-то она скажется лучше всего. Вникните хотя бы въ такое посланіе уральскаго (или донскаго?) казака:

— „Стоимъ на рѣчкѣ Вислѣ, прудимъ ее германцами. Крови, — въ голенища заливаетъ. Вода въ Вислѣ избѣлой стала красной, рудой подплыла. И стала отъ этого Висла называться Нѣманомъ или Германомъ (!). А еще извѣщаю вамъ, дорогіе родители, батенька и маменька, что коня подо мною убили, природнаго нашего Бурчика, и досталъ я себѣ германскаго коня. Конь не плѳхой, а все... претъ въ Германцію, никакъ не удержишь“ ...

Письмо отъ сына съ войны.
Рис. А. Э. Микаэля. «Illustr. Lond. News».

Все здѣсь фантастично, раззолочено древне-пѣсеннымъ эпическимъ орнаментомъ: этотъ конь, который рвется въ Германцію; эта Висла, которая сдѣлалась Нѣманомъ,

Но къ концу все удалѣе, забористѣе:

Вот наш кайзер наконец
свернул на крѣпость Осовец
и тамъ свернули ему нос
и заметался он, как пес,
забрал винтовки и лопаты,
пошелъ скорей на Карпаты,
и там дадут дубину ф спину
тогда уйдетъ прямо к Берлину.
Тогда и будет там сидеть,
на нас малотчиоф глядеть.

— — | — — | — — —
— — | — — | — — —

Я раздѣлилъ это письмо на отдѣльныя короткія строки
и печатаю его въ видѣ стиховъ. Подлинникъ написанъ
сплошными строками, какъ проза.

Сами авторы этихъ стиховъ отнюдь не въ восторгѣ
отъ нихъ:

Ну и такъ, мадамъ, простите,
За стишокъ вы извините:
Не поэтъ я, не писатель,—
Приключенія искатель,—

извиняется драгунъ В. Владиміровъ, и, очевидно, такая
формула стала уже трафаретной, ибо ею заканчиваются
многія стихотворныя письма *). Этотъ Владиміровъ
такими чертами изображаетъ бытовую обстановку нашей
Восточно-Прусской кампаніи:

Въ лѣсу слышны пулеметы,
„Ура!“ раздаются,
Съ флангу нѣмцы ідіоты
Въ атаку несутся.
Вамъ подробно описать.
Бумаги нехватить,
А какъ будите читать
Васъ обморокъ хватить.

*) См. „Голосъ Жизни“. 1915, №№ 6 и 9.

Чувствуется, что этотъ Владиміровъ—человѣкъ недеревенскій, городской, вкусившій отъ плодовъ цивилизаціи. Но въ большинствѣ эти письма—крестьянскія.

Будущіе Веселовскіе, Потебни, Буслаевы, конечно, не преминутъ приложить къ этой новой всемужицкой письменности тѣ же научные методы, что и къ устному народному творчеству; тогда мы увидимъ воочію, что русскій эпосъ еще не изсякъ, что многіе его ритмы и формы все еще не изжиты народомъ.

И часто въ основѣ этихъ писемъ лежитъ то несознанное религіозное чувство, которое прорывалось такими вулканами въ творчествѣ нашихъ народнѣйшихъ геніевъ: та же тревога о совѣсти, о Богѣ, о душѣ, о праведной, правильной жизни.

Въ письмахъ англійскихъ солдатъ нѣтъ ни апокалипсиса, ни былинъ, ни частушекъ. Тамъ Висла не становится Нѣманомъ, тамъ проза не становится стихами, тамъ не кланяются Окулынь Мыкитышнѣ „отъ бѣлаго лица до сырой земли“.

Тамъ почти всегда протоколъ: „Такого-то числа, въ такомъ-то мѣстѣ приключилось то-то и то-то“.

Видно, что вся эта громада людей прошла сквозь фабрики, конторы и школы, что вся она впитала въ себя однообразный газетный шаблонъ и для выраженія самыхъ небывалыхъ эмоцій располагаетъ лишь готовыми формулами.

Въ то время, какъ безсознательнымъ идеаломъ русскаго солдатскаго письма являются пѣсня, былина, частушка, безсознательный идеалъ Томми Аткинса—газетная корреспонденція, репортерскій отчетъ, точнѣйшее описаніе факта. Фактъ—для британца все. Въ мірѣ фактовъ онъ — хозяинъ и царь. Наблюдаетъ онъ ихъ геніально; описываетъ съ такимъ аппетитомъ и въ то же время такъ методично, отчетливо, что стѣбитъ только собрать воедино эти письма британскихъ солдатъ, и получится классически-точная хроника всѣхъ эпизодовъ кампаніи.

Съ русскими солдатскими письмами это никакъ невозможно. Въ нихъ интересенъ не столько фактической, сколько психологической, бытовой матеріаль. Факты въ нихъ зыбки и смутны, главное же въ нихъ — „психея“, душа. Въ области психеи мы всѣ виртуозы; не даромъ же психологическій Достоевско-Толстовскій романъ впервые зародился въ Россіи. Въ этомъ, можетъ-быть, наше проклятіе, но, право, у насъ иной гимназистъ, по сложности своей душевной жизни, по изощренности душевнаго опыта, превзойдетъ всѣхъ Гексли и Спенсеровъ. Тѣ рядомъ съ нимъ какъ-то геніально-наивны, неопытны, простодушны и, при мудрыхъ сѣдинахъ своихъ, юны. Характерно въ письмахъ британскихъ солдатъ отсутствіе самонаблюденія, самоанализа; когда собирателямъ англійскихъ писемъ понадобилось повѣдать читателю, *что ощущаетъ* солдатъ, впервые попавшій въ огонь, они во всемъ огромномъ своемъ матеріалѣ не нашли почти ни слова объ этомъ. И имъ поневолѣ пришлось обратиться къ письмамъ русскаго рядового Иванова.

Въ одномъ такомъ сборникѣ такъ прямо и сказано:

— „Самый яркій, живой и подробный отчетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ подъ адскимъ огнемъ современныхъ баталій данъ русскимъ раненымъ артиллеристомъ въ письмѣ изъ петроградскаго госпиталя“.

Въ другомъ сборникѣ, чуть дѣло дошло до психологии, тоже (поневолѣ!) цитируются *русскія* солдатскія письма.

Тамъ приводятся такіа показанія о первыхъ ощущеніяхъ подъ огнемъ:

— „Въ первыя минуты жутковато, но потомъ очень весело, очень хорошо на душѣ. Такое чувство свободы и радости среди ежеминутныхъ смертей!“.

— „Становишься какимъ-то другимъ человѣкомъ,—свидѣтельствуешь второе письмо,—и въ этомъ новомъ состояніи души совершенно легко и естественно дѣлаешь тѣ заурядныя вещи, которыя у васъ называются подвигами“.

И это отнюдь не случайность. Наблюдать надъ собою, надъ своею душой британскій солдатъ не охотникъ. Онъ сверхъестественно зорокъ на внѣшнее,—на факты и факты; онъ изобразить, какъ никто, всѣ мельчайшія детали сраженія: гдѣ стояла какая колонна, и куда она двинулась, и зачѣмъ, и когда; онъ съ бухгалтерской точностью приведетъ вамъ всѣ даты и цифры; но слѣдить за собою, за смѣной своихъ ощущеній, за оттѣнками своихъ настроеній,—это ему неинтересно и чуждо. Русскіе же—безъ „психологіи“ ни шагу, самый психологическій народъ во всемъ мірѣ! Самонаблюдатели ярые. Это и въ нашихъ романахъ, и въ каждомъ солдатскомъ письмѣ... Поневолѣ англичанамъ приходится заимствовать такія письма у насъ.

Зато по ихъ письмамъ такъ легко конструировать всю исторію этой грандіозной войны,—для чего, повторяю, совсѣмъ непригодны русскія солдатскія письма.

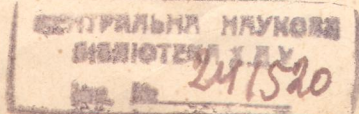
Томми Аткинсъ замѣняетъ теперь англичанамъ упраздненнаго военного корреспондента. Поэтому главное, чего они ждутъ отъ него, это подробныя и точныя реляціи о различныхъ боевыхъ эпизодахъ. Изъ этихъ писемъ они жаждаютъ узнать, какъ происходило сраженіе подъ Монсомъ, чѣмъ кончилось отступленіе къ Парижу. Имъ дороже всего *освѣдомительный* характеръ этихъ писемъ; они сами заявляютъ объ этомъ; одинъ лондонскій журналистъ говоритъ:

„Военные корреспонденты устарѣли, прежде чѣмъ успѣли состариться. Проволочный телеграфъ ихъ создалъ, а беспроволочный — ихъ уничтожилъ. Конечно, было очень пріятно получать съ такой быстротой самыя свѣжія новости, но непріятель, перехвативъ ихъ своимъ аппаратомъ, прочтетъ ихъ еще раньше, чѣмъ вы, и вывѣдаетъ все, что ему нужно, о вашихъ силахъ и стратегическихъ планахъ.

„По этимъ-то причинамъ наши арміи отправились на эту величайшую въ мірѣ войну—безъ единого военного корреспондента, словно это не баталія двадцатаго вѣка,

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“

2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА

а средневѣковый крестовый походъ. И когда будущій историкъ задумаетъ запечатлѣть для потомства тотъ героическій эпосъ, который теперь потрясаетъ Европу, онъ не найдетъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ сухихъ официальныхъ отчетовъ да тѣхъ свѣдѣній, которыя добыты газетчиками у бѣженцевъ и раненыхъ солдатъ.

„Впрочемъ, есть и еще матеріаль, драгоцѣннѣйшій: письма, писанныя самими солдатами своимъ близкимъ съ поля сраженія. Этими письмами вполне искупается отсутствіе профессиональныхъ корреспондентовъ“.

Ясно, что, въ глазахъ англичанина, эти солдатскія письма составляютъ какъ бы нѣкій придатокъ къ „сухимъ официальнымъ отчетамъ“, къ газетнымъ репортерскимъ сообщеніямъ.

Въ „Times“, напримѣръ, выбираются наиболѣе литературныя письма, написанныя такой умѣлой и бойкой рукой, что подумаешь, это рука журналиста. Главное въ нихъ—информація, о чемъ и говорятъ ихъ заглавія: „Битва подъ Санъ-Жульеномъ“, „Наступленіе на Ипръ“, „Ночная атака канадцевъ“. Въ послѣднихъ книжкахъ шотландскаго „Blackwood's Magazine“ печатается цѣлая повѣсть „Приключенія одного вѣстового“,—сплошь составленная изъ солдатскихъ писемъ. Соберемъ же эти англійскія письма изъ разныхъ книжекъ, газетъ и брошюръ и попробуемъ иллюстрировать ими нѣкоторые эпизоды кампаніи. Тотъ великій героическій духъ, который скрывается въ нихъ, скажется попутно, самъ собою.

Начнемъ съ самыхъ первыхъ шаговъ: съ прибытія англичанъ на континентъ.

III.

НАВСТРѢЧУ ВРАГУ.

„Первая ваша задача — истребить коварныхъ англичанъ, раздавить маленькую презрѣнную армію генерала Френча. Сосредоточьте на этой единственной цѣли все свое военное искусство и всю доблесть своихъ солдатъ. Это нужно сдѣлать немедленно. Таковъ мой императорскій приказъ“.

Когда кайзеръ подписывалъ эту бумагу, Томми Аткинсъ *), не подозрѣвая о грозящей напасти, беззаботно шагаль по дорогѣ на передовыя позиціи и въ великолѣпномъ расположеніи духа напѣвалъ свою любимую пѣсню:

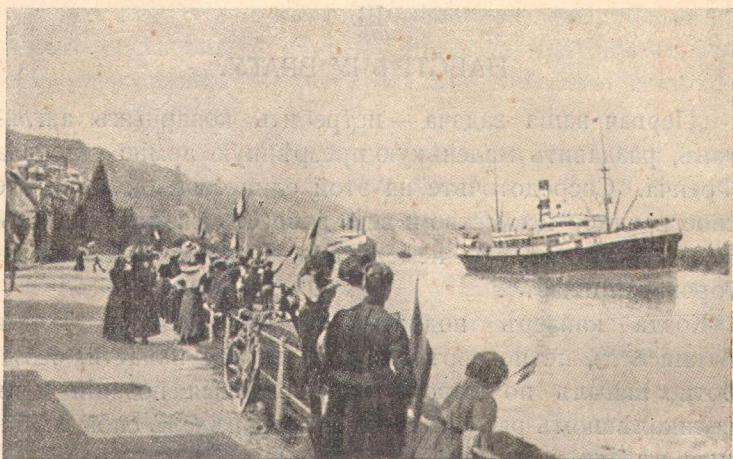
Далеко до Типперери,
Далеко!

Въ карманѣ у него былъ напутственный приказъ лорда Китченера, въ коемъ коротко и ясно исчислялись всѣ обязанности британскаго воина: „не робѣй, не будь

*) Повторяю, такъ называютъ британцы солдата. Откуда взялось это прозвище? Рассказываютъ, что во время покоренія Индіи, у воротъ одного индусскаго города стоялъ британскій часовой Томми Аткинсъ. Непріятель въ огромномъ количествѣ наступалъ на городъ. Аткинсу былъ посланъ приказъ оставить постъ и присоединиться къ отступавшей британской части. Приказъ не дошелъ во-время, и Томми остался на посту, предъ лицомъ неминуемой смерти. Имя героя увѣковѣчено народной молвой и стало нарицательнымъ именемъ каждого британскаго soldier'a. — Настоящая глава этихъ очерковъ скомпонована по книжкѣ Кильпатрика „Tommy Atkins“. Остальныя представляютъ собою вполне самостоятельный трудъ.

трусомъ, будь добръ и вѣжливъ къ женщинамъ (но только вѣжливъ, не больше!) и помни, что мародерство—позоръ“.

Вереницами пересѣкая Ламаншъ, британскія суда непрерывно доставляли къ берегамъ континента „ничтожную армію“ сэра Джона Френча, а хваленый германскій флотъ, не въ силахъ воспрепятствовать имъ, безславно скрывался вдали, въ безопасности собственныхъ гаваней.

Транспорты, перевозящіе англійскія войска по Сентъ къ Руану.

Все произошло очень быстро. Сто десять тысячъ англійскихъ солдатъ вступили на почву Франціи. Томми Аткинсъ очутился въ Булони. Онъ идетъ на передовыя позиціи. Если родина, соблюдая военную тайну, не устроила ему торжественныхъ проводовъ, то чужбина встрѣтила его такъ горячо и сердечно, что онъ былъ ошеломленъ и польщенъ. Французы и бельгійцы привѣтствовали въ немъ своего избавителя и на каждомъ шагу изъявляли свою благодарность.

Жители Булони привѣтствуютъ англійскія войска.
Рис. Ф. Матаньи. «The Sphere».

Въ Булонь прибывалъ транспортъ за транспортомъ; полкъ за полкомъ вступалъ на берегъ. Экстазъ населенія росъ. Съ пѣснями, со свистомъ и съ шутками проходили британскія войска по узкимъ улицамъ стараго города, махая фуражками женщинамъ, посылая поцѣлуи дѣтворѣ. Ихъ галантное обращеніе и веселыя лица возбуждали къ нимъ глубокое чувство пріязни, и въ толпѣ повторялось не разъ: „какъ весело идутъ они на-смерть“.

Шотландская волынка такъ странно звучала на улицахъ стараго города. Странно было видѣть британцевъ,

которые поютъ марсельезу. Но страннѣе всего для французскаго уха звучалъ новый воинственный кличь, привезенный изъ-за моря англичанами:

— Неужели мы пали духомъ? — громко произносить одинъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!! — оглушительно отвѣчаетъ весь полкъ.

Этимъ „нѣ-ѣ-ѣтъ“ они замѣнили „ура“, съ которымъ прежде бросались въ атаку.

И всѣхъ удивляла другая новинка, которую Аткинсъ уже успѣлъ обезсмертить: дотолѣ малоизвѣстная походная пѣсня:

Далеко до Типперери,
Далеко!
Разставаться съ милой Мери
Не легко!

„Прощай же, Пиккадили, — говорится въ этой пѣснѣ дальше, — прощайте, милые улицы Лондона! Типперери далеко, но сердце мое тамъ“.

Типперери.

Картина Джона Долмана (Лондонская Академич. Выставка 1915 г.).

Типперери въ началѣ войны стало въ Англіи популярнѣйшимъ словомъ. На каждомъ шагу встрѣчались бисквиты Типперери, шоколадъ Типперери, воротнички Типперери. Даже общество для вспоможенія воинамъ окрестило себя этимъ именемъ *).

Сплошнымъ празднествомъ было шествіе британскихъ солдатъ къ полю битвы. Въ письмѣ, опубликованномъ въ газетѣ „Times“, одинъ артиллерійскій офицеръ такъ описываетъ этотъ памятный путь:

— „Встрѣча была изумительная. Насъ забросали цвѣтами. Какое-то триумфальное шествіе! Въ деревняхъ вдоль дорогъ и на всѣхъ перекресткахъ женщины, мужчины и дѣти съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ насъ. Каждый жаждетъ дать намъ что-нибудь, сдѣлать намъ какой-нибудь подарокъ. Они срываютъ въ своихъ садахъ всѣ цвѣты и такъ украсили наши моторы, будто теперь карнаваль. Они заваливаютъ насъ шоколадомъ, папиросами, фруктами, хлѣбомъ,—всякой всячиной, всего не опишешь. Вчера я задержался въ одномъ городишкѣ: нужно было купить керосину; сразу собралось человѣкъ двѣсти, совали мнѣ какіе-то альбомчики, просили дать автографъ—хоть нѣсколько словъ. Просто помраченіе какое-то! Въ другомъ городкѣ я остановился на часъ сдѣлать кое-какія покупки. Мнѣ нужны были автомобильныя очки, ванночка для промыванія глазъ, склянка борной и кое-что изъ провизіи. Все это дали мнѣ даромъ, не позволили заплатить ни сантима; а выпивка и закуска своимъ чередомъ! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Что же будетъ, когда кончится война!“

— „Вы бы посмотрѣли на нихъ!—пишетъ одинъ рядовой легкой Йоркширской пѣхоты.—Они просто ошалѣли отъ радости. Жаль, что мы не понимаемъ ихъ словъ. Чуть мы перешли за бельгійскій рубежъ, мы увидѣли большую толпу. Надъ нею развѣвался нашъ флагъ, на которомъ было начертано: „Да здравствуютъ товарищи-

*) Пѣсня о Типперери—ирландская. Въ Ирландіи есть мѣстность, носящая названіе Типперери.

Томми Аткинсъ учить французъвъ своей любимой пѣснѣ „Типперери“.
Рис. А. Э. Микаэля. «Illustr. Lond. News».

Привѣтъ союзникамъ! Французское населеніе встрѣчаетъ англійскихъ солдатъ.

британцы!“ Бельгійцы рады отдать намъ послѣднее: срывають съ кроватей простыни и дѣлають для насъ утиральники“.

Другіе солдаты рассказываютъ, какъ, маршируя по улицамъ, они были осаждаемы французскими дѣвушками, которыя, идя съ ними объ руку, отрывали себѣ на память отъ ихъ мундировъ и куртокъ ленточки и солдатскія пуговицы.

Англійскіе солдаты въ Булони. Энтузіастки-француженки выпрашиваютъ у англичанъ сувениры. (Съ фот.)

«Вѣрные приказу лорда Китченера, — говоритъ очевидецъ, — солдаты не позволили себѣ ни одного грубаго слова, ни одной двусмысленной шутки. Лордъ Китченеръ былъ бы радъ, если бы видѣлъ ихъ тамъ».

Экспансивность французскихъ овацій росла, и Томми началъ смущаться, конфузиться, даже отчасти сердиться. Онъ былъ немного шокированъ. По какому поводу шумъ? И къ чему эти поцѣлуи, букеты, истерики? Наконецъ онъ не выдержалъ, и у него сорвалось:

— „Здѣшнія дѣвушки — настоящая казнь египетская! — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. — Какъ

только мы входимъ въ деревню, онѣ подбѣгаютъ къ намъ съ обѣихъ сторонѣ, потчуютъ шоколадомъ, виснутъ на рукахъ и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не раздашь имъ на сувениры пуговицы, ленточки, картинки отъ папиросъ, — словомъ, все, что имѣешь. Сержантъ сердится, что не въ ногу идешь, а что же мы можемъ подѣлать“ *).

Но это ворчаніе Аткинса—больше для виду, для поддержанія престижа, а въ душѣ ему пріятно и лестно. Онъ былъ бы радъ съ головой окунуться въ эту уютную атмосферу любви. Идя на-смерть, онъ тѣшил себя, какъ ребенокъ, подарками, сладостями и лакомствами.

— „Сейчасъ я квартирую на фермѣ, — благодушно повѣствуетъ одинъ. — Сплю въ самой лучшей спальнѣ, пью сидръ, кофе, коньякъ, объѣдаюсь яблоками, сливами, отличнымъ домашнимъ сыромъ, — и не плачу ни-

Томми Аткинсъ во Франціи,—канъ дома.
Рис. Frédéric de Haenen. «The Illustr. War News».

*) Заимствую это письмо изъ статьи Ст. Вольскаго, которая тоже основана на англійскихъ письмахъ съ войны. „Ежемѣс. Журн.“ 1915, I.

Въ погонѣ за сувенирами. Рис. Дж. Голидея. «The Graphic».
Французскія дѣвушки, дарящія англійскимъ солдатамъ фрукты, вино, цвѣты и такъ настойчиво выпрашивающія у нихъ сувениры, что бѣдные рюю-рюю испытываютъ добродушную ревность.

чего!.. Милая сторонка эта Франція! Хорошо бы завести здѣсь хозяйство. Все такъ и претъ изъ земли. Климатъ—одно удовольствіе! Похоже на Ирландію, но въ десять разъ лучше!“

И онъ добавляетъ съ печалью:

— „Жаль, что такую милую землю нѣмцы разорили и испакостили!“ (John Adcock. „Stories of the War“, р.р. 136—137).

Но кончился праздничный путь. Томми Аткинсъ въ боевомъ огнѣ. Ему данъ приказъ отступить. Въ эти черные дни англичане проявили столько самоотверженія и рыцарства, что ихъ боготворили вездѣ, гдѣ только они ни являлись.

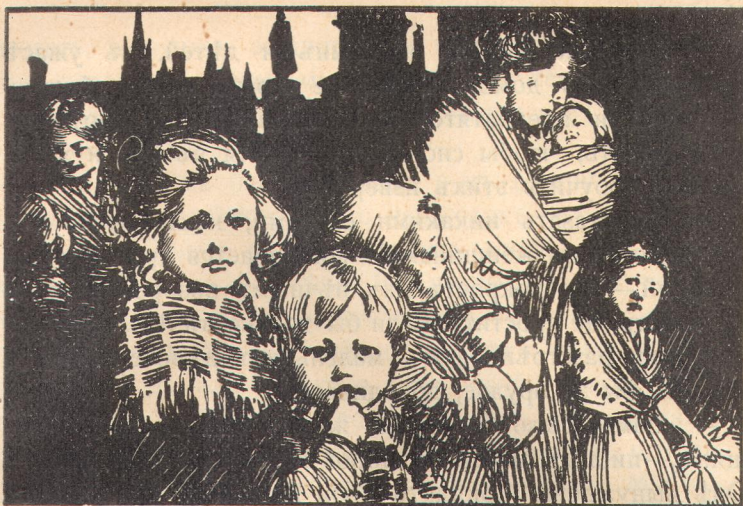
Нѣкоторые тогдашнія письма изображаютъ печальными красками жалкихъ измученныхъ бѣженцевъ, которые,

Британскій Синій Крестъ для ухода за ранеными лошадыми.

Лошади, раненыя на полѣ сраженія, вызываютъ среди англичанъ такія же заботы, какъ и люди. Въ Лондонѣ организовано специальное общество для ухода за лошадыми. Нерѣдко съ опасностью для собственной жизни члены общества спасаютъ пострадавшихъ животныхъ. Убитыхъ лошадей они сжигаютъ, смертельно раненыхъ тутъ же пристрѣливаютъ. Называется общество—Синій Крестъ. Госпитали Синяго Креста разбѣяны теперь по всей Франціи.

заслышавъ о приближеніи нѣмцевъ, испепеляющихъ на своемъ пути всю страну, покинули родные очаги. „Это такъ обидно и горько, что невозможно удержаться отъ слезъ“, — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. Не разъ въ этихъ письмахъ рассказывается, какъ солдаты отдавали свой паёкъ голодающимъ и таскали ихъ дѣтей на плечахъ, чтобы изнемогшія матери, бѣгущія изъ родныхъ городовъ, не упали тутъ же на дорогѣ. „Мучительно было видѣть, какъ горятъ крестьянскіе дома, — читаемъ въ письмѣ офицера, — но зрѣлище женщинъ и дѣтей, бѣгущихъ отъ нѣмцевъ, просто разрывало намъ сердце. Бѣдные — они не знали, куда итти и что дѣлать. Многіе солдаты въ моемъ полку плакали, глядя на нихъ... Мы взяли у женщинъ узлы и волокли ихъ на себѣ до привала“.

IV.

ДѢТИ И ЖЕНЩИНЫ.

Состраданіе къ дѣтямъ и женщинамъ — характерная черта этихъ писемъ. Извѣстно, что при всѣхъ катастрофахъ, кораблекрушеніяхъ, пожарахъ британцы добровольно тонули, сгорали, лишь бы спаслись дѣти и женщины. У нихъ это стало инстинктомъ. „Дѣти и женщины“, — *women and children*, — для нихъ священное слово. И никакія жестокости этой жестокой войны не внушаютъ англійскимъ солдатамъ столько отвращенія и ужаса, какъ бѣдствія женъ, матерей и сиротъ, пострадавшихъ отъ нашествія нѣмцевъ. Даже собственныя раны и муки не такъ удручаютъ ихъ. Великолѣпно звучитъ эта фраза въ письмѣ сержанта Джо Барбера:

— „Нѣмцы кидаютъ съ аэроплановъ гранаты, но, къ сожалѣнію, попадаютъ не въ насъ, а все больше въ женщинъ и дѣтей“. („Daily News“, 16 ноября 1914).

Одинъ раненый пишетъ о себѣ мимоходомъ: — „Кажется, мнѣ отрѣжутъ два пальца; въ четвергъ у меня вынули двѣ пули“. Но не это занимаетъ его, главная его мука такая:

— „Страшно видѣть женщинъ и дѣтей, въ ужасѣ бѣгущихъ изъ домовъ, которые черезъ минуту будутъ взорваны и превратятся въ развалины! Поскорѣ бы выздоровѣть, чтобы снова отправиться въ бой и хорошенько проучить этихъ изверговъ“.

— „Не сказать никакими словами, какъ гнусно они обращаются съ женщинами!—возмущается другой, тоже раненый.—Это покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. Этого не забыть, не простить. Если бы только въ Англіи знали, какъ они разстрѣливаютъ маленькихъ дѣвочекъ, — всѣ взялись бы за оружіе, до единого!“

— „Вамъ было бы очень жалко бельгійскихъ женщинъ,—пишетъ матери рядовой Робертъ Робертсонъ.—Онѣ вынуждены покидать свои гнѣзда и бѣжать куда глаза глядятъ. Дѣти цѣпляются за материнскія юбки. Вчера мы наткнулись на ужасную вещь: женщина, сейчасъ послѣ родовъ, бѣжала изъ дому вмѣстѣ съ младенцемъ. Младенца оторвали у нея отъ груди и ту грудь, которую онъ сосалъ, отрубили! Вслѣдъ за этимъ, на глазахъ у несчастной, проткнули ребенка штыкомъ. Мы ухаживали за ней, какъ умѣли, но, рассказавъ намъ о своихъ испытаніяхъ, она черезъ шесть часовъ умерла“ *).

О такомъ же лютомъ палачествѣ повѣствуетъ другое письмо, полученное отъ рядового артиллерійской бригады W. Palfrey:

— „Ахъ, какіе ужасы я видѣлъ! Эти безбожные, безчеловѣчные звѣри обезчестили пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и прибили ее гвоздями къ стѣнѣ, какъ распятые, исполосовавъ ея тѣло ножомъ. Это я видѣлъ своими глазами“... („Daily News“, 9 дек. 1914).

Мудрено ли, что каждый англійскій солдатъ чувствуетъ себя рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и сирыхъ, отмстителемъ за невинно-поруганныхъ! Вѣдь каждый изъ нихъ — волонтеръ: добровольно пришелъ изъ-за моря

*) „In the Firing Line“. Stories of the War by Land and Sea. By A. St. John Adcock. Hodder and Stoughton. London, p.p. 32, 57.

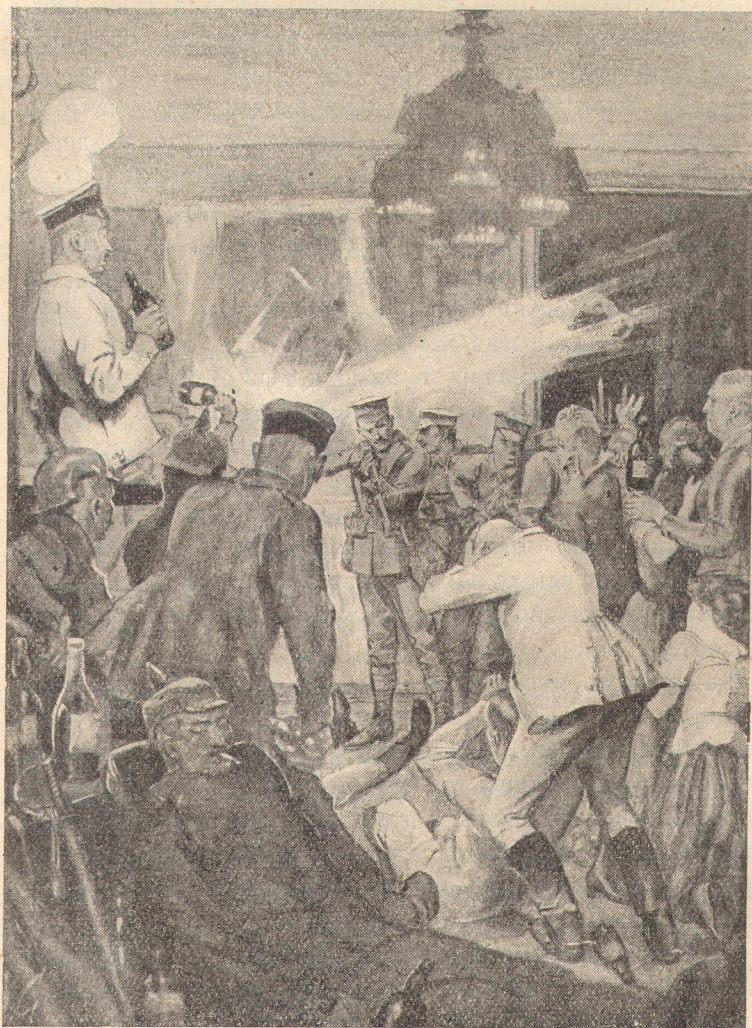
помогать, выручать, защищать! И гдѣ только слышится вопль о помощи, они самозабвенно несутся туда. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуемъ рассказъ раненаго ефрейтора Тэннера:

— „Мы были въ бою весь день и къ вечеру мечтали объ отдыхѣ, когда дошелъ до насъ слухъ, что въ деревушкѣ Дуэ (Doonai), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, нѣмцы напали на жителей. Въ потемкахъ, по незнакомымъ мѣстамъ, кинулись мы тотчасъ туда. Насъ могли окружить каждый мигъ, нѣмцы кишѣли повсюду, но, конечно, мы думали только о томъ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей... Когда мы вошли въ Дуэ, жители намъ рассказали, что сдѣлали съ ними враги. Они уже успѣли зарѣзать нѣсколькихъ ребятишекъ и женщинъ. Мы завили штыки и побѣжали на выручку. Слѣды погрома бросались въ глаза. Заслышавъ о нашемъ прибытіи, нѣмцы убѣжали кто куда, а тѣ, что остались въ деревнѣ, попрятались по темнымъ угламъ. Мы обшарили всѣ дома, чердаки, всюду находили враговъ. Многіе изъ нихъ сопротивлялись, но многіе сдались добровольно“. (John Adcock, p. 66).

Въ другомъ письмѣ точно также рассказывается, какъ ирландскимъ стрѣлкамъ удалось защитить трехъ женщинъ отъ нѣмцевъ. Ирландцы, въ количествѣ восьми человекъ, отправились на ночную развѣдку. Въѣхали въ деревню, видятъ: свѣтъ. Заглянули въ окно: полупьяные нѣмцы сидятъ за полупустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминъ, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину.

— „Мы поняли ихъ гнусные замыслы,—пишетъ ирландскій развѣдчикъ,—и, ворвавшись въ комнату, предупредили злодѣйство. Нѣмцы были жестоко наказаны“. („Daily News“, 13 окт. 1914).

Лордъ Китченеръ внушалъ своимъ солдатамъ: „будьте неизмѣнно учтивы, благожелательны, добры“, и эти качества, не меньше, чѣмъ солдатская храбрость, всегда будутъ связаны съ именемъ Аткинса въ памяти французовъ

Иллюстрація къ письму ирландскаго развѣдчика: ...«полупьяные нѣмцы сидятъ за полупустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминъ, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину. Мы поняли ихъ замыслы и, ворвавшись въ комнату, предупредили злодѣйство».

и бельгийцевъ. Высокая, благородная миссія, возложенная на британскихъ солдатъ, придала ихъ дѣяніямъ во Франціи и Бельгіи характеръ идеалистическій, рыцарскій. Въ этомъ величайшій залогъ ихъ побѣды. Какъ имъ горько, что ихъ противникъ не обладаетъ такимъ же рыцарскимъ духомъ!

—„Подобныхъ изверговъ я еще никогда не видалъ,— пишетъ своимъ роднымъ рядовой Джемсъ Скоттъ.—Ихъ

„...Прячась за спиною у женщинъ, они осыпаютъ насъ пулями, зная, что отвѣчать мы не станемъ“...

Рис. Э. Матаньи. «The Sphere».

конница гонить по улицамъ Монса женщинъ и дѣтей, чтобы мы не стрѣляли въ нее". (Adcock, p. 50).

О томъ же сообщаетъ саперъ Джорджъ Брайантъ въ письмѣ къ своему отцу:

„Сердце разрывается при взглядѣ на французскихъ женщинъ и дѣтей. Нѣмцы выгоняють ихъ штыками изъ всѣхъ лачугъ и домовъ, гонятъ предъ собою по улицамъ. Прячась за спиною у женщинъ, они осыпають насъ пулями, зная, что отвѣчать мы не станемъ“.

V.

АНГЛІЙСКІЕ СОЛДАТЫ О ВРАГѢ.

Разказами о такъ называемыхъ звѣрствахъ буквально кишать письма англійскихъ солдатъ. Въ нихъ ежеминутно мелькаетъ: „отрѣзали руку у плѣннаго“, „раненаго сожгли на кострѣ“, „прокололи младенца штыкомъ“... Вотъ еще одно письмо о несчастной, у которой отрѣзали грудь:

— „Бѣдная дѣвушка, она скоро умретъ... Я радъ, что пристрѣлилъ того улана, который совершилъ эту подлость“.

Огромное множество писемъ сообщаетъ о пальбѣ по лазаретамъ:

— „Эти дьяволы не пощадили даже госпиталя, хотя надъ нимъ развѣвался огромнѣйшій флагъ съ огромнѣйшимъ краснымъ крестомъ“, — возмущается рядовой Смайли.

— „Неподалеку стояла церковь, служившая намъ лазаретомъ, — рассказываетъ рядовой Г. Мугриджъ. — Раненыхъ туда доставляли десятками. Но нѣмцы взорвали ее“.

— „Во Франціи я побывалъ въ четырехъ лазаретахъ, но изъ каждого меня увозили, такъ какъ нѣмцы палили по нимъ“, — пишетъ рядовой Джорджъ Дентонъ.

Драгоценно отмѣтить, что все же британскіе солдаты пытаются оправдать непріятеля. Кавалеристъ Джонъ Дегласъ твердитъ:

— „Нѣмецкіе солдаты и рады бы честно сражаться, да офицеры принуждаютъ ихъ силою къ обманамъ и звѣрской жестокости. Виноваты во всемъ ихъ офицеры. Сами же они ни при чемъ“.

Въ этомъ увѣрилъ Дегласа одинъ плѣнный нѣмецкій солдатъ.

— „Они пуще смерти боятся своихъ офицеровъ и ненавидятъ ихъ, какъ злую отраву“, — добавляетъ рядовой Мартинъ Кинъ. Въ письмѣ батарейнаго Вильяма Лика высказывается такое же мнѣніе: „Виноваты во всемъ офицеры. Они морочатъ своихъ несчастныхъ солдатъ, брешутъ имъ о нѣмецкихъ побѣдахъ. Солдаты же — извѣстно, бараны; куда ихъ погонять, туда и бѣгутъ“.

Что особенно возмущаетъ британцевъ—это безчестные приемы противника. Имъ ненавистно, какъ истымъ спортсменамъ, всякое шулерство и мошенничество въ той грандіозной *игрѣ*, которая ведется теперь. Они жаждутъ открытаго и честнаго боя. Вѣдь они привыкли, чтобы всѣ состязанія, будь то Дерби, футболъ или боксъ, велись безъ обмана, открыто. Съ презрѣніемъ отзывается Аткинсъ объ ухищреніяхъ враговъ. „Ахъ, сколько среди нихъ негодяевъ! — пишетъ гвардеецъ Рирдонъ *). — Какъ-то утромъ нарядились въ англійскіе мундиры и кричатъ: „Не стрѣляйте, мы — штабъ!“ А сами какъ пошли въ насъ палить. Ну жъ и получили они сдачи! Цѣлыя тонны свинца!“

О такой же низкопробной стратегіи нѣмцевъ сообщаетъ лейтенантъ Освальдъ Эннъ въ письмахъ къ своему отцу:

— „Нѣмцы пробрались къ намъ во французскихъ мундирахъ и говорятъ, что имъ крайне нужно поговорить съ офицеромъ. Къ нимъ вышелъ майоръ девонширской бригады, умѣвшій говорить по-французски. А они его — хлопъ, напавалъ!“

Въ томъ же письмѣ мы читаемъ:

— „Нѣмцы нарядились въ англійскую форму, размѣстившись неподалеку отъ насъ, въ той же улицѣ, и, установивъ на окнахъ пулеметы, стали осыпать насъ шрапнелью“. (John Adcock, p.p. 133—134).

*) „Stories of the War“, by A. St. John Adcock, p.p. 30, 116, 139, 154.

Германская стратегія.

Нѣмецкій генераль нѣмецкому солдату, надѣвшему шотландскую тунику:
 — Пой Тишперери, и никто не узнаетъ, что ты нѣмецъ.
 Шаржъ англ. художника Рейнольдса.

Очевидно, эта шулерская стратегія вошла въ нравы германскихъ воителей, ибо безконечное множество писемъ упоминаетъ о ней.

— „Нѣмцы попрежнему жульничаютъ, — пишетъ батареинный Вильямъ Клэфъ. — Вчера ночью подбѣжали къ французскимъ окопамъ и кричатъ, что они англичане, изъ нашего кольдстримскаго полка. Но французы узнали нѣмецкій акцентъ и не пожалѣли патроновъ“.

Англійскіе солдаты повторяютъ съ великолѣпною гордостью, что сами они никогда не унизятся до подобныхъ безчестныхъ пріемовъ. Здѣсь столкновение двухъ нравственныхъ принциповъ, двухъ національныхъ моралей. Коварство, предательство, всякіе задніе умыслы чужды британской душѣ. *Honesty is the best policy*, — такова британская народная мудрость. Нигдѣ въ Европѣ не смотрятъ на лжеца съ такимъ омерзѣніемъ, какъ въ Англіи. Школьникъ, который солжетъ, хотя бы въ пустякѣ, хотя бы въ шутку, бойкотируется своими товарищами. Культъ правдивости — основная черта національнаго воспитанія въ Англіи. Свободнымъ и сильнымъ людямъ противны уловки, подвохи и козни.

— „Нѣмцы потеряли мое уваженіе навѣки, — сокрушается лейтенантъ О. Эджкомъ. — У нихъ никакого кодекса чести“.

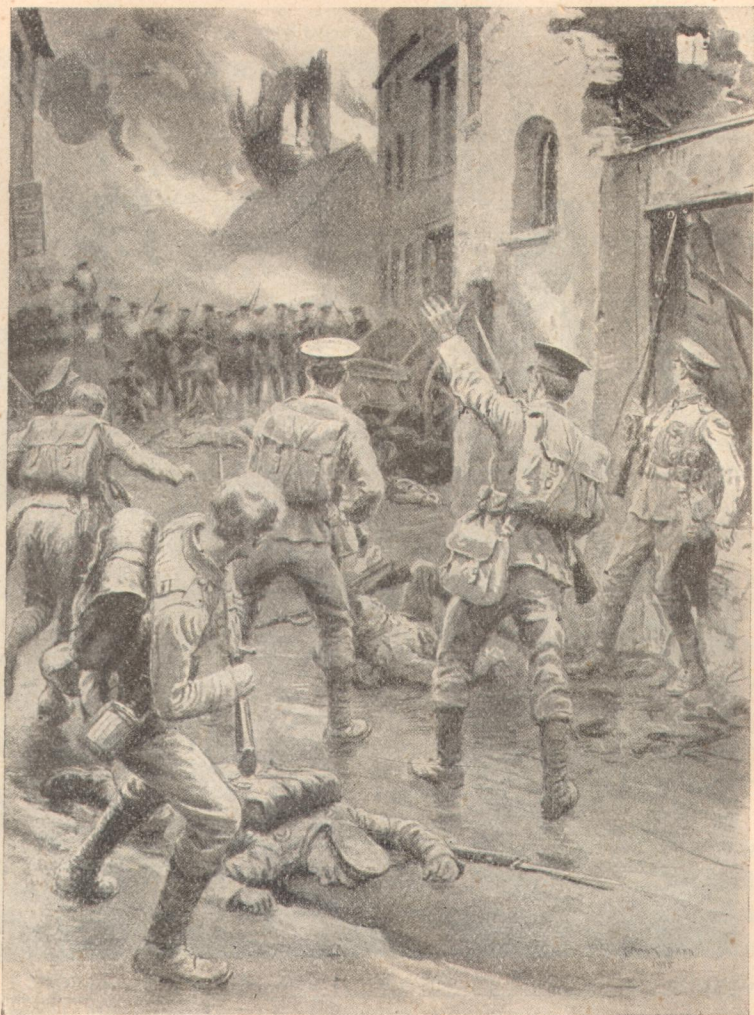
Это чувство раздѣляется многими. Англія хотѣла бы сражаться съ противникомъ, болѣе достойнымъ ея. Ей грустно, что она не можетъ его уважать. Рыцарю для поединка нуженъ рыцарь. Какъ возмущается какой-то капралъ Леонардъ, что германцы въ своихъ амбулаторныхъ повозкахъ, украшенныхъ краснымъ крестомъ, перевозятъ пулеметы и ружья. „Вы только подумайте, мамаша! Этого не сдѣлали бъ и негры!“ — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своей матери. Ему положительно стыдно за нихъ. Гдѣ же у этихъ людей благородство! Выкидываютъ бѣлые флаги, кричатъ, что сдаются, просятъ пощадить, не стрѣлять, а когда британцы, повѣривъ ихъ бѣлому флагу, приближаются, чтобы взять ихъ въ

Пальба по санитарамъ и раненымъ.

плѣнъ, они внезапно открываютъ огонь и предательски убиваютъ довѣрчивыхъ!

— „Я былъ раненъ. Нѣмцы нашли меня въ полѣ. Сражаться я не могъ, пришлось сдаться. Я заявилъ, что сдаюсь и вручилъ имъ мой револьверъ. А они изъ

Переодѣтые нѣмцы стрѣляютъ въ англійскихъ солдатъ. Рядовой Гартонъ повѣствуетъ объ этомъ такъ: «Нѣмцы заняли небольшую деревушку неподалеку отъ нашихъ окоповъ. Намъ, какъ передовому отряду бригады, было приказано войти въ нее. Мы прошли ее всю безпрепятственно; лишь пустые ящики да трупы лежали на нашемъ пути. Вдругъ въ концѣ улицы, неизвѣстно откуда, появились человѣкъ семьдесятъ нашихъ, одѣтыхъ въ такія же хаки, какъ мы. Мы кричимъ имъ: *держитесь! мы идемъ вамъ на помощь!*— вдругъ они поворачиваются и осыпаютъ насъ пулями. То были переодѣтые нѣмцы!»

моего же револьвера неожиданно — бацъ въ меня! Подумали, что я убить, и ушли“

Это рассказывается въ письмѣ капитана Роффи („Atkins at War“, by Kilpatrick, p. 107), и, къ сожалѣнію, такіе рассказы стали уже трафаретными. Въ самомъ разгарѣ боя вдругъ слышится сигналъ: „отступать!“ Англичане отступаютъ, прекращаютъ стрѣльбу, и лишь потомъ узнаютъ, что были обмануты нѣмцами: сигналъ исходилъ отъ нихъ. Ихъ трубачи имитировали звуки британской трубы!

Все это для британцевъ сюрпризъ.—„Кто бы могъ раньше подумать!“—повторяютъ они въ тысячѣ писемъ. Зато какъ они искренно рады, когда имъ случается встрѣтить въ противникѣ хоть каплю благородства и мужества. Сказать о врагѣ „молодецъ!“ они не считаютъ зазорнымъ. Матросы, совершившіе знаменитый набѣгъ на Гельголандскую бухту, отмѣчаютъ съ похвалой каждый смѣлый поступокъ германцевъ. Мужество, геройство, отвага обладаютъ въ глазахъ англичанъ особой эстетической прелестью. Кто бы эти качества ни обнаружилъ, другъ или недругъ, чужой или свой, — англичане одинаково восхищаются ими. Замалчивать доблестныя дѣянія врага они считали бы величайшимъ позоромъ. Есть что-то величавое въ той откровенности и смѣлой безкорыстной прямогѣ, съ которой британцы во всеуслышаніе хвалятъ малѣйшія достоинства германцевъ:

— „Они были молодцами, ей-Богу, и дрались до послѣдней минуты“, — пишетъ о германскихъ матросахъ британскій матросъ Джонъ Диггетъ. („In the Firing Line“, p. 101).

— „Нѣмцы молодцы, дрались отлично!“—воскликаетъ мичманъ Гартлей. (Тамъ же, стр. 94).

— „Ну жъ и дисциплина у нихъ!—пишетъ кавалеристъ Э. Тегвеллъ.—Падаютъ, какъ статуи, и все же ни съ мѣста. Приказано стоять, они стоятъ“.

Съ той же откровенной прямою англичане неуклонно привѣтствуютъ всякое проявленіе гуманности, замѣченное ими у врага. Членъ парламента лейтенантъ Обри Гер-

бертъ, побывавшій въ нѣмецкомъ плѣну и пролежавшій 11 дней въ нѣмецкомъ полевомъ лазаретѣ, пишетъ своимъ роднымъ въ Сомерсетъ:

— „По совѣсти долженъ сказать, что, какъ пруссаки, такъ равно и баварцы, всѣ, безъ различія чина, относились къ намъ хорошо и сердечно“. („Daily News“, 17 окт. 1914).

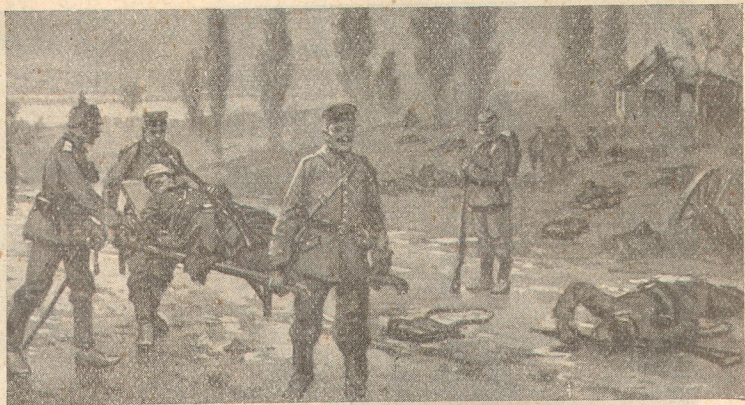
Лейтенантъ Г. Г. Эрвинъ говоритъ то же самое. Его письмо напечатано въ книжкѣ г. Кильпатрика „Томми Аткинсъ на полѣ сраженія“, на которую я уже неоднократно ссылался. Въ той же книжкѣ приводится такое свидѣтельство одного капитана-ирландца:

— „И за кронпринцемъ не лучше ухаживаютъ, чѣмъ ухаживали нѣмцы за мною, когда я лежалъ у нихъ въ госпиталѣ“ (стр. 108).

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что такое прекрасное обхожденіе съ плѣнными распространяется далеко не на всѣхъ. О немъ больше всего повѣствуютъ лейтенанты, капитаны, полковники. Нижніе чины британской арміи рассказываютъ совершенно другое, хотя и они не склонны огульно обвинять всѣхъ германцевъ. „Попадаютъ и нѣмцы хорошіе, — настаиваетъ гвардеецъ Рирдонъ. — Какъ-то ночью они намъ кричатъ: „Гвардейцы, подберите вашихъ раненыхъ!“ Мы пошли подбирать, а они — хоть бы выстрѣлъ! Это очень благородно, не правда ли?“

О такомъ же благородномъ поступкѣ врага рассказываетъ въ одной изъ своихъ телеграммъ британскій главнокомандующій сэръ Джонъ Френчъ. Въ самомъ началѣ войны одинъ изъ французскихъ отрядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и все же отказавшійся сдаться, былъ весь немилосердно истребленъ; уцѣлѣли только двое, и то раненые. Они должны были бросить оружіе, но нѣмецкій офицеръ, изъ уваженія къ героямъ, не только оставилъ оружіе при нихъ, но и попросилъ позволенія пожать у одного изъ нихъ руку.

Британцы живо почувствовали всю красоту этой сцены. Множество англійскихъ художниковъ запечатлѣли ее.

Нѣмецкій офицеръ пожимаетъ руку раненому и плѣнному врагу.

Она стала одной изъ самыхъ популярныхъ военныхъ картинъ во всей Англіи. Поле усыяно трупами. Раненый французскій офицеръ безпомощно простертъ на носилкахъ; къ нему порывисто подходитъ тевтонъ и, къ изумленію всѣхъ, почтительно жметъ ему руку! Ничего, что этотъ тевтонъ есть тевтонъ, англичане рады признать его доблесть, рады громко прославить его, Ниже мы прочтемъ въ солдатскихъ письмахъ, что „нѣмцы оказались хорошими малыми“, что „саксонцы очень добрые ребята“ и проч. Точно также не желаютъ англичане замалчивать чисто-механическую силу противника. Они открыто восхваляютъ ее. Ихъ письма пестрятъ выраженіями:

...„Нѣмецкіе прожекторы—прелесть...“

...„Транспортъ у этихъ чертей—замѣчательный...“

...„Ихъ артиллерія—чудо...“

Томми Аткинсъ любитъ силу, которая направлена противъ него. Пусть эти пушки сулятъ ему смерть, но, если онѣ хороши, онъ не откажетъ имъ въ своемъ одобреніи. Хотя, вообще говоря, Томми далеко не въ восторгъ отъ нѣмецкой военной системы. Онъ находитъ

Нѣмецкая атака густымъ строемъ.

«Нѣмцы вступаютъ такими густыми колоннами, что всякій разорвавшійся снарядъ уничтожаетъ ихъ цѣлыми дюжинами. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть». (Отрывокъ изъ англ. солдатскаго письма).

въ ней много изъяновъ. „Нѣмцы наваливаются такой густой оравой, что, куда ни стрѣлай, все равно попадешь,—пишетъ онъ о пріемахъ нѣмецкой атаки.—Ихъ гонять, какъ барановъ, на убой. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть“ и т. д.

Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что противникъ не умѣетъ стрѣлять. Въ качествѣ спортсмена, британецъ привыкъ уважать мѣткихъ и ловкихъ стрѣлковъ. Множество виртуозовъ стрѣльбы находится теперь въ англійской арміи. Какъ ѣдко они издѣваются надъ неуклюжими нѣмецкими стрѣлками!

— „Артиллерія у нихъ хороша, но ружейная стрѣльба—просто смѣхъ,—пишетъ рядовой J. R. Tait, высказывая общее мнѣніе.—Нѣмецъ съ винтовкой — осель; онъ не попадетъ и въ стогъ сѣна!“

— „Сидя въ окопахъ, мы съ Биллемъ обсудили нѣмецкую армію и пришли къ заключенію, что вся она—дрянь“ (rotten), — пишетъ одинъ рѣшительный юноша. Точно также всѣ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы „боятся штыка“.

Но, конечно, не эти сужденія интересуютъ насъ больше всего въ письмахъ англійскихъ солдатъ. Мы приводимъ ихъ лишь мимоходомъ. Намъ дороги не они, а тотъ духъ, который въ этихъ письмахъ вскрывается.

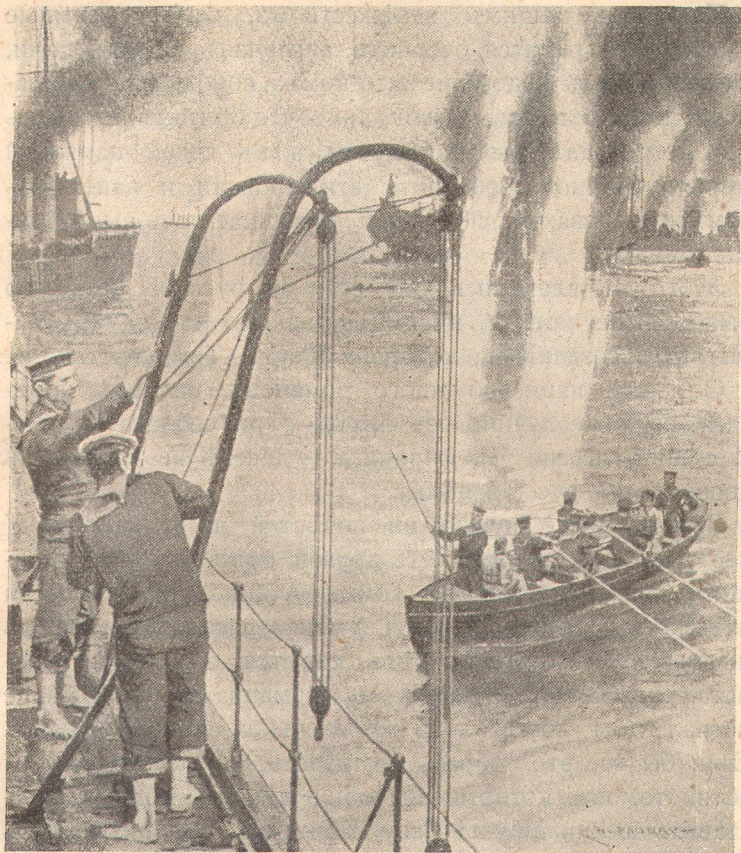
Идиллія на англійскомъ дредноутѣ. (Съ фот.).

VI.

НАБѢГЪ НА ГЕЛЬГОЛАНДСКУЮ БУХТУ.

Эти солдатскія письма собраны въ двухъ англійскихъ книжкахъ, которыя сейчасъ предо мною. Одна называется „Аткинсъ на полѣ сраженія“, другая—„Въ боевомъ огнѣ“, и обѣ чрезвычайно картинно, живописно, пластически изображаютъ британскихъ солдатъ. Первую составилъ Джэмсъ Кильпатрикъ, вторую—Джонъ Эдкокъ.

Книжки драгоцѣнныя, — особенно для русскихъ читателей. Пора намъ ближе познакомиться съ Аткинсомъ. Французскаго солдата мы знаемъ: его героическій образъ, запечатлѣнный въ Наполеоновскомъ эпосѣ, сталъ уже литературнымъ шаблономъ. Плѣнительный нравственный обликъ русскаго „рядового Иванова“ тоже былъ не разъ прославляемъ въ созданіяхъ нашей словесности. Не даромъ склонился передъ нимъ нашъ національный мудрецъ Левъ Толстой, узрѣвшій въ немъ носителя народной стихіи, народной воли и правды. Но что мы знаемъ о британскомъ солдатѣ? Его душа сокрыта отъ насъ. Онъ нашъ соратникъ, сподвижникъ, мы связаны

Гельголандский бой. Рис. С. Пэддэй. «Illustr. Lond. News».

Иллюстрація къ письму англ. морского офицера: «Мы потопили германскую подводную лодку «V 187» около 9 час. вечера и тотчасъ же отрядили нѣсколько шлюпокъ для спасенія тонущихъ вѣмецкихъ матросовъ. Вдругъ какой-то нѣмецкій крейсеръ начинаетъ палить въ наше судно. Первый снарядъ попалъ въ воду,—недалеко отъ спасательныхъ лодокъ, въ которыхъ находились германцы».

съ нимъ узами крови, и все же онъ для насъ — незна-
комецъ.

Мы и рады бы его полюбить, но нельзя же любить
незнакомаго.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Пользуясь нашимъ невѣжествомъ, какіе-то темные люди уже стремятся очернить англичанъ передъ нами, внушить намъ недовѣріе къ нимъ, поколебать въ самомъ началѣ нашу дружбу, такъ что британскій посолъ въ Петроградѣ былъ вынужденъ въ своей памятной рѣчи публично разоблачить эти происки и напомнить намъ о жертвахъ и подвигахъ, совершаемыхъ нынѣ британцами *).

Этого не случилось бы, если бы русское общество было ближе, короче, интимнѣе знакомо съ тѣмъ само-бытнымъ созданиемъ, котораго зовутъ Томми Аткинсъ.

О Томми написано много романовъ, балладъ, повѣстей, но даже лучшіе изъ нихъ,—„Три солдата“ и „Казарменныя пѣсни“ Р. Киплинга, — доселѣ не дождались перевода на русскій языкъ.

Впрочемъ, не нужно ни повѣстей ни романовъ. У насъ, какъ мы видѣли, есть другой, болѣе цѣнный источникъ: подлинныя письма Томми Аткинса. Я читаю эти письма съ восторгомъ, они для меня—наслажденіе. Этихъ писемъ—туча, легіонъ. Нѣтъ, кажется, британскаго солдата, сражающагося нынѣ съ германцами, который не послалъ бы домой хоть коротенькой бѣглой записки. Если бы все это собрать да издать, потребовались бы сотни томовъ, которые на вѣки вѣковъ могли бы составить величайшую славу Британіи, ибо нигдѣ такъ

*) Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи, произнесенной сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ на новогоднемъ банкетѣ англійской колоніи въ Петроградѣ: „Въ настоящее время война вступаетъ уже въ шестой мѣсяцъ, и мы, англичане, имѣемъ всѣ причины гордиться той ролью, которую сыграла въ ней наша страна. Тѣмъ не менѣе небольшая и неимѣющая вліянія часть населенія Россіи, повидимому, держится другой точки зрѣнія въ оцѣнкѣ того, что сдѣлано нами. Еще недавно различные сторонники нѣмцевъ проповѣдывали крестовый походъ противъ Англіи, и небольшая кучка ихъ посядователей прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы посягнуть на разладъ между Россіей и ея союзниками.—Гдѣ британскій флотъ и что дѣлаетъ британская армія? — спрашивали эти господа въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ. Я скажу имъ, что сдѣлано британскимъ флотомъ“, и т. д. Русскія газеты единодушно привѣтствовали это выступленіе британскаго посла. „Эта блестящая рѣчь даетъ краснорѣчивый отпоръ тѣмъ подпольнымъ клеветникамъ, которые пытаются умалить значеніе громаднхъ усилій Англіи въ великой борьбѣ съ германскими державами и вселить недовѣріе къ искренности британской политики“, — говоритъ, напримѣръ, „Русское Слово“.

полно и свободно не сказалась во всей красотѣ ея національная сущность. Тѣ книжки, о которыхъ я сейчасъ говорю, конечно, не могутъ исчерпать и тысячной доли всѣхъ писемъ. Онѣ меня такъ увлекли, что послѣ нихъ я сталъ жадно прочитывать тѣ письма англійскихъ солдатъ и матросовъ, которыя мнѣ попадались въ газетахъ „Daily News“, „Daily Chronicle“, „Times“, и теперь считаю своею обязанностью познакомить съ ними русское общество.

Вотъ, на примѣръ, письмо матроса Альфреда Бишопъ, участвовавшего въ набѣгѣ британцевъ на Гельголандскую бухту:

— „Во время всего боя нашъ милый котенокъ сидѣлъ подь самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и умывался. Передъ началомъ пальбы мы порядочно волновались, но тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла стали очень веселы и все время смѣялись, пока не кончился бой. Тогда стали плакать и всхлипывать. Если меня убьютъ, не волнуйтесь: смерть не такая страшная вещь, какъ я думалъ. Все вчера было быстро, какъ молнія“.

Письмо классическое, написанное съ такимъ лаконизмомъ, который бываетъ присущъ лишь очень сильнымъ, простодушнымъ натурамъ. Въ немъ истинно-героическій стиль. И при этомъ—дѣтская ясность души, свойственная однимъ морякамъ. Жаль, что въ газетахъ печатается такъ мало матросскихъ писемъ. Тѣ, что приводятся въ книжкѣ Эдкока, составляютъ лучшее ея украшеніе. Вотъ письмо съ военного судна „Вакханка“, посланное матросомъ Вильсономъ своей женѣ:

— „Ты скоро прочитаешь въ газетахъ о нашей побѣдѣ на Сѣверномъ морѣ. Побѣда—первый сортъ, превосходная! Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь непріятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дрянно, а наши—безъ промаху. Оттого-то проклятые спрятались, боясь,

и носу не высунуть. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усѣяно минами; наткнешься на мину—капутъ! Командиръ истребителя „Liberty“ вызвалъ изъ своей команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нимъ пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу,—и каждый отвѣтилъ: „согласенъ!“, хотя это сулило имъ вѣрную смерть. И они таки-пробрались туда, къ самымъ Гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ; и такъ какъ у нашихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту,

Островъ Гельголандъ, у котораго произошло морское сраженіе англійскаго флота съ германскою эскадрой. (Потоплены три германскихъ крейсера, два истребителя и два миноносца).

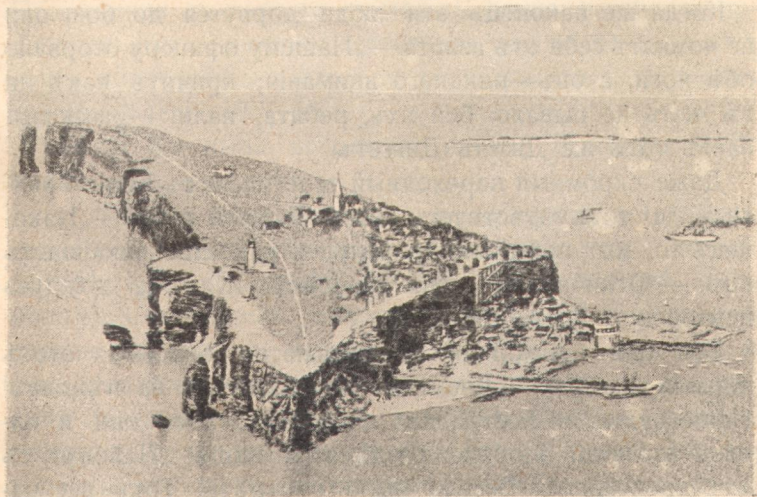
убиваетъ наповалъ командира и трехъ человѣкъ изъ команды. Штурманъ, хоть и раненый, принимаетъ на себя управленіе судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молимъ Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду, мы побѣдимъ непременно, ибо въ нашемъ флотѣ у cadaго Джэка воистину львиное сердце!“

Такихъ писемъ предо мною десятки. Всѣ они посвящены одному эпизоду,—набѣгу на Гельголандскую бухту. Чтò мы слышали объ этомъ набѣгѣ? Почти ничего, двѣ-три фразы. Офиціальныя сухія слова, лишеныя красокъ и образовъ: такого-то августа такія-то суда англичанъ пробрались съ безоглядной смѣлостью къ самой не-пріятельской гавани, не побоявшись грозныхъ берего-

выхъ батарей, и послѣ жестокаго боя одержали побѣду надъ нѣмцами. А тутъ намъ дается возможность увидѣть лицомъ къ лицу самихъ участниковъ этого подвига, услышать изъ ихъ устъ всѣ подробности и, главное, ощутить непосредственно ту нравственную атмосферу, тотъ духъ, который и далъ имъ возможность совершить это безпримѣрное дѣло.

Вотъ письмо съ одного броненосца:

— „Наконецъ-то добрались мы до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу: семь часовъ длился бой! Выстрѣлъ за выстрѣломъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Мнѣ было очень пріятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую секунду могъ прійти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ... Но всѣ наши были очень спокойны: словно это не война, а маневры, смѣялись, шутили, острили, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолити отлично! По слухамъ, враги потеряли около 1.500 чело-

Островъ Гельголандъ (съ птичьяго полета).

вѣкъ. Не постигаю, какъ это намъ удалось ускользнуть: не только съ крейсеровъ, но и съ гельголандскихъ фортовъ ихъ выстрѣлы достигали до насъ. Скоро ли выдѣстся случай дать имъ новую трепку опять?"

Характерна эта жажда британскихъ матросовъ добратся поскорѣе до врага. — „Гдѣ же ихъ главный флотъ?—спрашиваетъ одинъ изъ bluejacket'овъ.—Хорошится въ Кильскомъ порту; но стѣить ему выйти оттуда, онъ уже не вернется назадъ!“ (стр. 98).

Джонъ Диггетъ, матросъ, лишь о томъ и твердитъ: — „Когда же ихъ флотъ соизволитъ къ намъ выйти? Мы ждемъ, а онъ все не выходитъ. Пусть только высунетъ носъ. Достанется же ему на орѣхи!“

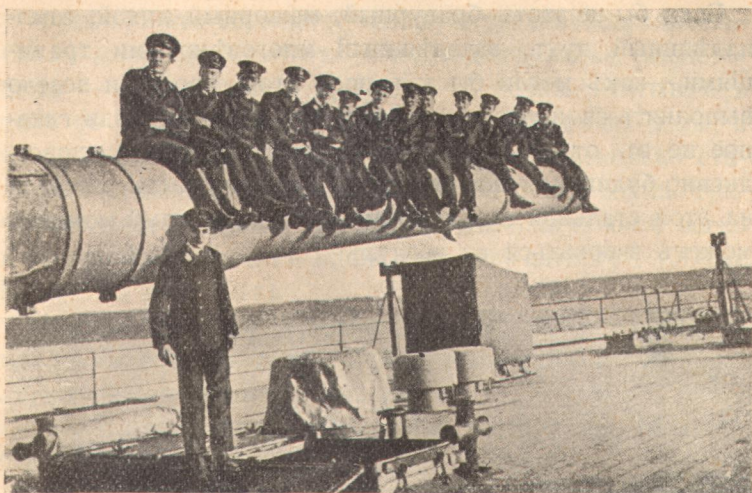
Эта жалоба — неизбѣжный рефренъ чуть не каждаго матросскаго письма.

— „Ну что же, подождемъ, ничего! Старый Нельсонъ выжидалъ цѣлый годъ и дождался-таки французскаго флота“, — утѣшаетъ себя юнга Брюсъ въ письмѣ къ своему отцу. („Daily News“, 21 дек.).

Когда же наконецъ эти люди дорвутся до боя, они не помнятъ себя отъ азарта.—„Нашему офицеру оторвало обѣ ноги, а онъ—никакого вниманія; кричитъ какъ ни въ чемъ не бывало: бей ихъ, ребята, пали!“—разсказываетъ тотъ же Джонъ Диггетъ.

Даже скромный пароходный телеграфистъ Бири Фрэнсисъ, и тотъ чувствуетъ воинственный пылъ.—„Наконецъ-то мы понюхали пороху, — радостно сообщаетъ онъ. — Отлично. Я очень доволенъ. Жду не дождусь повторенія!“ (стр. 108—109).

Всѣ они буквально захлебываются, описывая этотъ дерзкій набѣгъ.—„Ловко же мы налетѣли на нѣмцевъ! Наше судно не пострадало нисколько, хоть они и палили въ него. Здорово раздѣлался нашъ „Лайонъ“ съ ихъ крейсеромъ! Весело было смотрѣть! Тотъ все палить и палить, а „Лайонъ“—ни единого выстрѣла. Минутъ десять тратилъ нѣмецъ заряды, а „Лайонъ“ только скомандовалъ: пли! — и отъ нѣмца ничего не осталось.

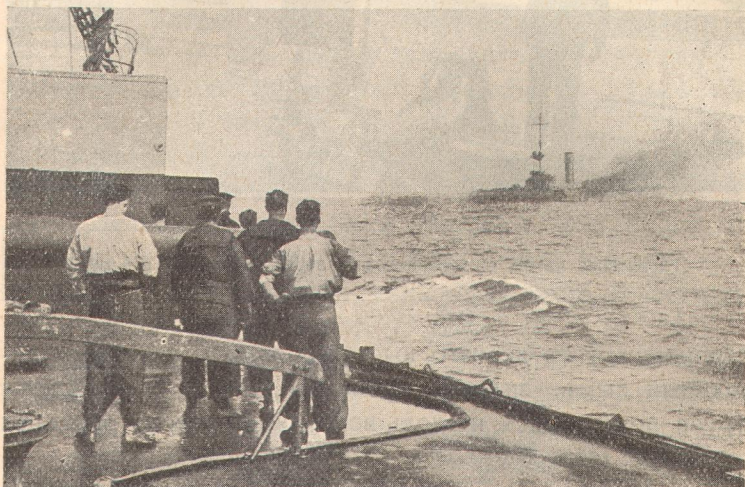
Гигантское орудіе на англійскомъ сверхъ-дредноутѣ (Съ фот.).

Прикончили съ перваго выстрѣла. Когда разсѣялся пушечный дымъ, видимъ: крейсеръ уже на боку, задняя труба покачнулась, и вдоль всего борта зіяетъ огромная трещина“ (стр. 106—107).

Такого же пыла исполнено письмо бомбардира Т. Уайта:

— „Тратить выстрѣлы намъ не пришлось. Одно ихъ суденышко мы прикончили съ перваго разу. Мѣткій выстрѣлъ, не правда ли? Ну жъ и заважничаль тотъ молодецъ, которому удалось это сдѣлать. Теперь онъ первая персона на всемъ суднѣ. Нѣмцы, кажется, и сами увидѣли, что десять ихъ выстрѣловъ не сравняются съ нашимъ однимъ. Такъ что, кажется, нашимъ ребятамъ и пострѣлять не придется. Первый же закончить все дѣло, а остальные—сиди, сложа руки. Этакъ мы побываемъ въ десяткѣ сраженій, и лишь немногимъ счастливымъ удастся направить орудіе въ нѣмца“ (стр. 109).

Если бы не этот бравурный, мажорный, лихой, само-
надеянный духъ, взлелѣянный многолѣтними тради-
ціями,—какъ могли бы эти люди столь просто и весело
выполнять свой умопомрачительный подвигъ! Вѣдь глав-
ное не въ отдѣльных бояхъ, а въ рутинной, повсе-
дневно-будничной жизни, среди ежеминутныхъ смертей
на этой стальной скорлупѣ, которая въ каждый моментъ
можетъ взорваться на воздухъ!

Гельголандскій бой. Потопленіе англичанами германскаго крейсера „Майнцъ“. Англіійскіе матросы слѣдятъ за результатомъ своего удачнаго выстрѣла. «Майнцъ» идетъ ко дну. Изъ трехъ его трубъ уцѣлѣла одна. Мачта сбита. По выраженію одного матросскаго письма, крейсеръ превратился въ «дымящійся адъ». Въ экипажѣ потонувшаго судна былъ сынъ знаменитаго адмирала фонъ-Тиршцца, германскаго морскаго министра. Онъ спасенъ англичанами и взятъ ими въ плѣнъ.

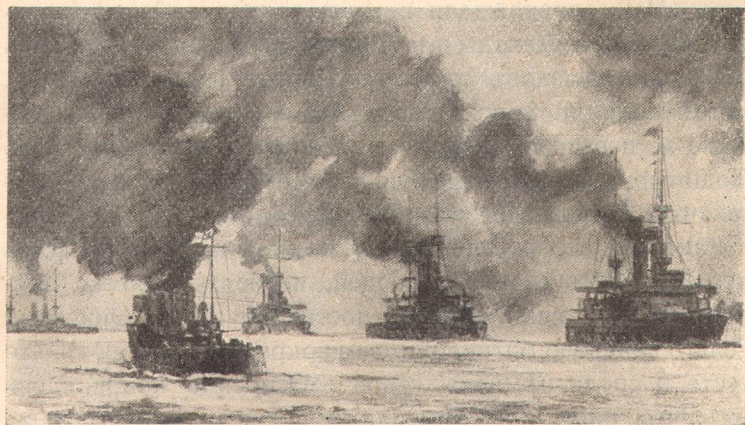
Эта рутина страшнѣе всего, страшнѣе всякихъ боевъ
и набѣговъ; вотъ какими черными красками изобра-
жаетъ ее одинъ морской офцеръ, плавающий теперь
въ Сѣверномъ морѣ:

— „Ночью дуетъ отчаянный вѣтеръ, холодный, какъ
ледь. На палубѣ черно: огней нѣтъ. Каждый матросъ—

у орудія. Никто не знаетъ, что случится сейчасъ: можетъ-быть—мина, можетъ-быть — подводная лодка, можетъ-быть — непріятельскій крейсеръ. А волны окатываютъ тебя съ головой, чтобы ты не заснулъ ни на мигъ, и безпрестанно заливаютъ тебѣ за воротъ нѣсколько стакановъ ледяюще-холодной воды. Въ сутки спишь три-четыре часа и только одному поражаешься: какъ легко и безропотно выносятъ наши люди эту каторгу“. („Daily News“, 12 дек. 1914).

Нуженъ воистину героическій духъ, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ подвергаться такимъ испытаніямъ. Мудрено ли, что этотъ офицеръ восклицаетъ:

— „Что же нѣмцы; какъ бабы, все прячутся! Вышли бы и дали намъ бой!“

Англійская эскадра у острова Гельгоlanda.

Но именно въ такихъ испытаніяхъ сказывается закаленность британцевъ.—„Поджидая флотилію Вильгельма, мы стараемся веселиться во-всю. Случается, вечерами задаемъ такіе концерты, что любо!“—пишетъ штурманъ корабля „Тэльботъ“.

А какъ величаво умѣютъ они умирать!.. Потопленный нѣмцами крейсеръ „Монмаусъ“ передъ тѣмъ, какъ погрузиться на дно, сигнализируетъ другому броненосцу: „Я тону, мои машины разбиты, въ носу огромная течь, но все же я иду на врага и попробую послать въ него мину“.

Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же мигъ онъ скрылся подъ водой.

— „Мы всѣ прослезились, ей-Богу, когда капитанъ прочиталъ намъ этотъ предсмертный сигнал“, — пишетъ морской офицеръ, наблюдавшій величавую гибель „Монмауса“. („Daily News“, 21 дек. 1914).

Это какая-то особая порода людей. Въ той же газетѣ мельчайшимъ шрифтомъ, гдѣ-то на задворкахъ, какъ нѣчто весьма обыденное, напечатано такое письмо:

— „Мы сопровождали первую партію войскъ, отправляемыхъ изъ Канады въ Англію. Среди океана одинъ изъ подштурмановъ свалился за бортъ и началъ тонуть. Нашъ командиръ лейтенантъ Барнсъ увидѣлъ его паденіе и, невзирая на бурю, немедленно кинулся въ море. Подштурмана спасти не удалось, но каковъ нашъ лейтенантъ! Молодецъ!“ (12 дек. 1914).

Какъ мы уже видѣли, англійскіе матросы и солдаты, съ прямотушіемъ сильныхъ людей, не боятся громко привѣтствовать всякій смѣлый поступокъ врага. Описывая Гельголандскую битву, они неоднократно отмѣчаютъ, что „есть и среди нѣмцевъ герои“. Особенно понравилось имъ, что инья изъ нѣмецкихъ судовъ, погружаясь на дно, не желали опускать свои флаги и палили до послѣдней возможности; не прося о пощадѣ. Но и здѣсь ихъ нравственное чувство было не разъ возмущаемо „грязными продѣлками“ (dirty tricks) нѣмцевъ. Ихъ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы открывали огонь по ихъ спасательнымъ лодкамъ, не исключая тѣхъ случаевъ, когда эти лодки спасали именно тонущихъ нѣмцевъ. Одинъ шотландецъ съ возмущеніемъ рассказываетъ:

— „Нѣмцы вплавь добрались къ нашимъ крейсерамъ и на ломаномъ англійскомъ языкѣ просили подобрать ихъ на бортъ. Страшно было видѣть окровавленныхъ раненыхъ, барахтающихся въ водѣ, и мы, бросивъ имъ наши спасательные пояса и протянувъ имъ веревки, спустили къ нимъ нѣсколько лодокъ. Съ другихъ нашихъ судовъ имъ на помощь тоже были спущены шлюпки. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, большой четырехтрубный непріятельскій крейсеръ начинаетъ палить въ эти лодочки изъ одиннадцати-дюймовыхъ орудій — сразу изъ семи или восьми!“ (стр. 95).

— „Задали же мы имъ перцу за это!“ — восклицаетъ другой матросъ, рассказавъ о такомъ же вѣроломномъ поступкѣ германцевъ. Третій выражается такъ: — „Я думаю, два ихъ суденышка носились бы по волнамъ и понынѣ, но такъ какъ они открыли огонь по нашимъ спасательнымъ шлюпкамъ, когда мы подбирали ихъ же раненыхъ, то мы отправили ихъ въ тартарары“ (стр. 106).

Какъ бы ни были случайны и скудны эти мимолетные отрывки изъ писемъ, я увѣренъ, они гораздо ярче и жизненнѣе изображаютъ предъ нами самую сущность событій, чѣмъ талантливѣйшіе очерки опытныхъ газетныхъ корреспондентовъ.